

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Гюнтер Банеман

ПОБЕГ ИЗ АРМИИ РОММЕЛЯ

**НЕМЕЦКИЙ УНТЕР-ОФИЦЕР
В АФРИКАНСКОМ КОРПУСЕ**

1941–1942

Гюнтер Банеман

**Побег из армии Роммеля.
Немецкий унтер-офицер в
Африканском корпусе. 1941-1942**

«Центрполиграф»

Банеман Г.

Побег из армии Роммеля. Немецкий унтер-офицер в Африканском корпусе. 1941-1942 / Г. Банеман — «Центрполиграф»,

Унтер-офицер Гюнтер Банеман, кавалер Железного креста, посыльный при штабе танковой дивизии в Африканском корпусе Роммеля, узнав, что его отца казнили в концлагере, решил, что для него война закончена. И, захватив с собой самое необходимое, покинул лагерь и направился в пустыню. Теперь все стали его врагами: немцы и итальянцы, разыскивающие дезертира, и англичане, сражающиеся с противником.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гюнтер Банеман

Побег из армии Роммеля. Немецкий унтер-офицер в Африканском корпусе. 1941–1942

Предисловие

Бегство из действующей армии, особенно с линии фронта, всегда считалось трусостью, но я утверждаю, что в реальных условиях для этого иногда нужно обладать особой смелостью.

Человек, охваченный страхом, побоится дезертировать с фронта. Слишком велик риск. Он знает, что его ждет неизбежная смерть, и не только в том случае, если его поймут, но и во многих других ситуациях. Дезертира повсюду ждет враждебное отношение людей, он обречен на одиночество. И это особенно верно, если он собирается сбежать из действующей армии, а не просто сдаться врагу, как это сделали миллионы военнопленных (иногда вполне добровольно).

С линии фронта обычно дезертируют люди, которые не способны вынести ужаса бомбежек и артобстрелов или подвергаются издевательствам старших по званию, отчего и без того тяжелая служба становится для них невыносимой. Но я не боялся авианалетов, и надо мной никто не измывался. У меня была другая причина дезертировать, и вы узнаете о ней, прочитав эту книгу.

Бегство человека с театра военных действий ничем иным, как трусостью, не назовешь. Такой человек боится, что его убьют в бою. Но если дезертирует закаленный в сражениях солдат, не раз видевший смерть в лицо, то нелепо было бы назвать его трусом.

Я признаю, что с моральной точки зрения человеку, бежавшему с линии фронта, нет никакого оправдания, но тем не менее берусь утверждать, что это требует определенной смелости, иногда смелости безрассудной.

Я родился в Гамбурге в 1920 году, вскоре после окончания Первой мировой войны, в которой мой отец доблестно сражался в рядах германской армии и, удостоившись наград за свою храбрость, вернулся домой с искалеченной ногой. Я и все мое поколение росли детьми разгромленной и униженной нации.

Юношей я служил в немецком торговом флоте и пережил много приключений в открытом море и в далеких странах. Я дослужился до звания второго помощника капитана, но в 1939 году ушел с флота и, решив поискать приключений на суше, вступил в ряды вермахта. И я получил то, что искал, даже больше.

Доставка грузов в Польшу за рулем автомобиля – это одно, а высадка с парашютным десантом в Норвегии – совсем другое. Участвуя в разгроме и оккупации Бельгии, Голландии и Франции, я понял, что попал в компанию крепких парней. Заслужил в боях Железный крест 1-го и 2-го класса, был представлен к званию лейтенанта, разжалован в рядовые – и находил такую жизнь очень интересной.

Но, прибыв в феврале 1941 года в составе германского Африканского корпуса в Триполи, я понял, что настоящие приключения только начинаются. Так оно и оказалось. К моменту моего побега в июне 1941 года я был уже унтер-офицером и служил при штабе корпуса посыльным, разъезжая на броневике.

До этого и после мне пришлось пройти много трудных дорог, но африканский опыт оказался самым трудным. Я написал об этом книгу спустя 18 лет – на английском языке, который выучил после своего побега из германской армии.

Думаю, что мне нет нужды оправдываться. Факты говорят сами за себя.

Глава 1

БЕН ОМАР

Я встретил Бен Омара случайно. Это было в конце апреля 1941 года, и, как показали последующие события, эта случайность спасла мне жизнь.

В ту пору я служил посыльным в армии Роммеля. Однажды я ехал в своем броневике по дороге Виа-Бальбия и недалеко от форта Акрома, к западу от Тобрука, увидел стоящий на обочине грузовик итальянской армии. Позади него я заметил четверых мужчин, которые пинали ногами какой-то предмет.

Я сбавил скорость, частично из любопытства, но главным образом потому, что мне надоело ехать одному. Я решил перекинуться парой слов с представителями наших доблестных союзников (которые были единственными людьми, которых я встретил на этом отрезке пути), поскольку немного говорил по-итальянски.

Подъехав, я увидел, что итальянцы – сержант и трое рядовых – избивали плоскими сторонами своих штыков совершенно голого араба. Несчастный был прикован к заднему колесу грузовика наручниками, и итальянцы безжалостно избивали его в удушающем полуденном зное. Ударив пленника несколько раз, они прикладывались к бутылке красного вина.

Все они были сильно навеселе. Каждый из них держал в одной руке полупустую бутылку, а в другой – штык. Неподвижное голое тело араба, истекавшего кровью, лежало на песке лицом вниз.

– Viva Tedesco! (Да здравствуют немцы!) – крикнул сержант, когда я соскочил на землю.

– Come sta? (Как дела?) – спросил один из солдат.

– Molto bene (Отлично), – ответил я. Дела у меня и вправду шли хорошо.

– Выпьешь? – спросил сержант и протянул мне бутылку.

Я с радостью взял ее. В этом обжигающем зное никто не отказался бы от выпивки. Тлядя с любопытством на распростертое на песке тело, я спросил, кто это такой.

– Куча дерьма, – ответил сержант, ударив лежавшего тяжелым сапогом в бок.

Тот даже не дернулся – по-видимому, он уже умер.

– Воровал оружие и снаряды. Мы поймали его вчера на закате – он ехал на поврежденном бомбой грузовике мимо Акромы, – проворчал сержант и снова ударил ногой пленника, который на этот раз сложился от боли пополам. Увидев это, итальянцы весело рассмеялись. Меня же чуть не стошнило, когда я увидел их смеющиеся рожи.

– И что вы собираетесь с ним сделать? – спросил я, сделав еще один глоток из бутылки и отдавая ее сержанту.

– Да ничего особенного! – небрежно ответил тот. – Нам велели доставить его в тюремный лагерь в Дерне, но я сомневаюсь, что он туда попадет. Зачем попусту жечь бензин и тащить этого гнусного араба за две сотни миль, когда можно развлечься с ним, а потом сообщить, что он был убит при попытке к бегству. – И он глотнул вина.

Я попытался скрыть охватившее меня негодование, поблагодарил их за вино и сказал, что тороплюсь и мне надо ехать. Я забрался в свой броневик.

– Arrivederci! (До свидания!) – крикнули хором итальянцы.

Проскользнув в орудейную башенку своего броневика, где находились спаренные пушка и пулемет, я увидел, что для стрельбы угол возвышения слишком велик. Тогда я завел мотор и, отъехав метров на пятьдесят, остановил броневик и снова забрался в башню к пулемету.

Четыре итальянца с удивлением наблюдали за моими перемещениями, но, когда я развернул башню и направил на них пулемет, сомнений в моих намерениях у них не осталось.

– Не двигаться с места! – заорал я.

Лица итальянских солдат окаменели от ужаса.

– Развяжите этого человека и пусть один из вас приведет его сюда! – крикнул я.

Никто из них не пошевелился. Фонтанчики песка, взметнувшиеся у их ног, подсказали им, что шутить я не намерен. Тогда сержант достал из кармана ключ и открыл наручники.

– Поставь его на ноги, – велел я, – и приведи сюда.

Араб был ошеломлен. Он шатался и оступался, пока сержант вел его к моей машине.

Я держал оставшихся солдат на прицеле пулемета, а сержант помогал идти арабу, пока тот не схватился руками за край башни и не перекинул со стоном свое тело в мой броневи́к.

Не говоря ни слова, я прыгнул на место шофера, оставив изуверов удивленно глядеть мне вслед.

Через два дня араб уже мог позаботиться о себе сам, и мы расстались в Эль-Тазале (где в то время был штаб итальянского главного командования. – *Ред.*). Там он присоединился к небольшому каравану верблюдов, шедшему дальше в Киренаику по дороге через Барку. Араб сказал, что его зовут Бен Омар. Я не знал арабского, а он – немецкого, но мы смогли объясниться по-итальянски.

– Если ты когда-нибудь окажешься в Барке, – сказал он мне, – я с радостью тебя приму. Я отдам тебе все, что пожелаешь, ведь ты спас мне жизнь!

– Забудь об этом, – рассмеялся я, – на войне всякое бывает.

Я не думал, что когда-нибудь встречу Бен Омара снова. Событий было столько, что я не задумывался об этом маленьком дорожном происшествии и вскоре совсем о нем позабыл.

Глава 2

БОЙ ВО ВРЕМЯ ПОГОНИ

Стоял жаркий июньский день 1941 года.

Моя нога соскользнула с педали газа, и броневедомитель резко остановился. Я выключил зажигание, и рокот мотора сразу же стих. Подняв мокрые от пота руки, я снял очки, защищавшие глаза от пыли, и лоскут материи, которым были завязаны рот и нос, чтобы в них не попадал песок. Затем открыл тяжелый стальной люк и стал выбираться со своего сиденья, при этом мне на спину обрушилась лавина песка.

Схватив бинокль, я спрятался в башне моего броневика и принялся осматривать пустыню. Но солнечный блик чуть было не ослепил меня, а до пулемета невозможно было дотронуться. Я опустил бинокль. Смотреть было не на что – вокруг расстился один песок да высились скалы, мимо которых проходил бесконечный Тарик-эль-Абд – караванный путь из Эт-Тамими в Эль-Адам и дальше на Бардию.

Прикрыв ладонью глаза, я прошелся взглядом вдоль тропы и заметил кучу пустых бочек из-под горючего.

– Значит, три четверти пути уже позади, – пробормотал я и, взглянув на небо, увидел, что солнце клонится к закату. К наступлению темноты я доберусь до штаба танковой дивизии, при котором я служил. Я проехал где-то около девяноста километров, осталось еще тридцать.

Эта часть пустыни и сам караванный путь мне не нравились. Они были начинены всякого рода сюрпризами – большей частью смертельными. Здесь можно было привлечь внимание пилота английского истребителя «Харрикейн», летящего на бреющем полете и высматривающего цель, наехать на противотанковую мину или наткнуться на один из британских разведывательных дозоров, частенько ездивших на броневиках или джипах – одном, двух или трех – по караванным путям и ничего не боявшихся.

Вспомнив об этом, я снова поднес к глазам бинокль и внимательно оглядел местность. Но я ничего не увидел, кроме барханов, над которыми колыхались волны раскаленного воздуха. Убедившись, что рядом никого нет, я прыгнул с броневика, поднял стальной капот и занялся уходом за мотором – почистил воздушный фильтр, проверил масло, долил в радиатор воды. Вернувшись в машину, я стер пыль с казенной части пулемета, а когда спустил курок, он зашипел, как разъяренный котенок. Двадцатимиллиметровая пушка сработала с оглушительным треском, убедив меня, что находится в рабочем состоянии. Взглянув на огромную канистру с водой, я позволил себе сделать пару глотков тепловатой воды.

Чувствуя, что силы мои восстановились, я закрыл башенный люк и вернулся на сиденье водителя. Я покрутил ручки управления радиостанцией, но обнаружил, что она не работает и нуждается в осмотре квалифицированного специалиста.

Пора ехать! Мотор чихнул, взревел, и я двинулся дальше.

Поскорее бы вернуться в штаб – может, там меня уже ждет письмо из дома. Хорошо было бы также узнать, как обстоят дела у моего отделения посыльных – ведь я провел две недели в ремонтных мастерских к западу от Эль-Газалы и давно не видел своих товарищей. Думая об ожидавших меня отдыхе и новостях из дома, я ехал все быстрее и быстрее, мечтая поскорее проскочить последние двадцать пять километров ухабистой песчаной дороги.

И вдруг по стальному корпусу моей бронемашины, оставляя отметины, забарабанили пули, явно из пулемета. Справа и слева спереди по курсу взметнулись фонтанчики песка, загордив мне весь обзор. Потом по броне застучал новый град пуль.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел позади себя британские бронемшины. Я надавил посильнее на акселератор, и моя девятитонная коробка на колесах рванулась вперед.

Левой рукой я переключил скорость, и в какофонии барабнящих пуль, ревающего мотора и завывающих передач услышал грохот бронелистов, прикрывавших колеса. По броне снова сыпался град пуль.

В зеркало было видно, что за мной гонятся два британских броневедомости. Они были совсем близко и неслись на полной скорости. Я не мог все время держать их в поле своего зрения, поскольку мою машину мотало и бросало из стороны в сторону, словно люльку, которую кто-то бешено раскачивал. У меня не было бортового стрелка, и я мог открыть стрельбу, только остановив машину. От этой мысли мне стало не по себе. Горячий пот, на мгновение ослепляя меня, заливал мне глаза, и я чуть было не сбился с дороги, еле видной сквозь узкие прорези.

Неожиданно я вспомнил, что мой броневедомость лучше, чем британские, приспособлен для езды по пересеченной местности, лежавшей по обе стороны от дороги. Я резко повернул руль, машину сильно занесло на мягком песке, и я помчался в пустыню. Пули стучали теперь по борту, который я подставил врагу, и, бросив взгляд в зеркало, я увидел, что обе британские машины тоже, не снижая скорости, свернули с дороги.

Меня охватил страх – я понял, что они решили преследовать меня среди скал и песчаных ям. Стук пуль стих. Я несясь, словно сумасшедший, объезжая валуны, проскакивая через ложбины, скользя по склонам холмов, усыпанным гравием, и выжимая из машины последние силы. Я на мгновение снял одну руку с рулевого колеса, сорвал чехлы с пулемета и пушки, но тут машина въехала в яму и, выскочив из нее, на полной скорости врезалась в большой камень. Я ударился головой о переднюю панель, и из глаз посыпались искры.

Но страх пересилил боль и подсказал мне, что делать. Ремень безопасности был отстегнут, рычаг переключения передач установлен в нейтральное положение, люк башни распахнут – все это произошло мгновенно, словно по волшебству. Башня и пушка со скрипом повернулись в сторону моих преследователей. Зрелище могло кое-кого свести с ума – британские броневедомости петляли среди валунов на расстоянии примерно трехсот метров и целились прямо в меня. Я опустил ствол своей пушки, стараясь взять на прицел одну из них.

Мимо моей башни прожужжали пули, ударявшие в песок и скалы и отскакивавшие от них рикошетом. На такой большой скорости, да еще и лавируя между камнями, англичане, конечно, не могли точно прицелиться, и пули их в основном летели мимо. Я нажал кнопку и выпустил четыре снаряда. Рядом с первым броневедомостью выросла стена песка и пыли, заставив его свернуть и подставить мне свой борт. Я был бы идиотом, если бы не воспользовался этой возможностью.

Вторая броневедомость выскочила из-за камней и стреляла из пулемета веером, наполнив воздух дьявольским хохотом, фонтанами песка и камней, которые на мгновение закрыли мне обзор.

Первая броневедомость снова повернула, подставив мне другой борт, – это был шанс! Поймав ее в перекрестье прицела, я выстрелил. Пушка дернулась, словно дикое животное, и несколько 20-миллиметровых снарядов ударили в землю перед английским броневедомостью, а два или три разорвались в верхней части железного чудовища. Еще один снаряд с диким воем пролетел мимо, а другой пробил огромную дыру над колесом, откуда вырвался черный дым.

От удара английский броневедомость чуть было не опрокинулся – резко вильнув, он скрылся за камнями.

Вторая броневедомость на полной скорости неслась к тому же укрытию. Попасть в нее было практически невозможно – разве что только чудом. Она делала невообразимые зигзаги и вскоре скрылась за камнями вслед за первой.

Мои преследователи исчезли из вида, и я немного успокоился – теперь их пулеметы меня не достанут, а автоматических пушек на британских броневедомостях не было. Я быстро перезарядил свое орудие и направил спаренные стволы пулемета и пушки на камни, ожидая появления врага.

Неожиданно из-за скал вырвался столб пламени и дыма, после чего я услышал бешеный треск рвущихся патронов. По всему небу рассыпались следы трассирующих пуль.

Я заорал от радости как сумасшедший. Машина, которую я подбил, взорвалась. Я застрочил из пулемета по верхушкам камней, но быстро понял, что только напрасно трачу боезапас, – густой черный дым закрывал все.

Сквозь треск рвущихся патронов я услышал, как заработал мотор машины. Второй броневик вполне мог снова атаковать меня, поэтому я очень внимательно следил за краем каменного скопления, ожидая его появления, но вскоре понял, что он отъезжает, прячась за камнями, где снаряды моей пушки не могли его достать.

Через несколько минут я увидел столб пыли, поднимающийся в небо в двух километрах от меня. Уцелевшая машина возвращалась в расположение британских войск.

Я расслабился и подумал, что спасся просто чудом. Если бы у англичан были пушки, то вместо их бронемашин сейчас горела бы моя. Интересно, увезла ли с собой уцелевшая бронемашинка экипаж горевшей? Если нет, то противник мог поджидать меня за скалами с пулеметом и ручными гранатами.

Из предосторожности я снова дал очередь из пушки. Снаряды упали позади скал и между ними. После этого я перезарядил орудие и тщательно осмотрел скалы в бинокль – похоже, что за ними никого не было. Оттуда по-прежнему валил густой дым вперемишку с пылью, взметались языки пламени, а воздух прорезали пунктиры трассирующих пуль.

На горизонте клубилась пыль, поднятая удалявшейся английской бронемашинкой. На полной скорости она неслась к границе Египта, которую Муссолини в свое время обнес колючей проволокой, к Форт-Маддалена. Внимательно изучив в бинокль окружающую меня пустыню и не увидев ничего подозрительного, я соскочил на землю, чтобы осмотреть свою машину, одновременно наблюдая за скалами.

От того, что я увидел, у меня по спине пробежала дрожь – правое переднее колесо моего броневика было перекошено. Заглянув под машину, я понял, в чем дело, – сломалась поперечная рулевая тяга, а это означало, что я отсюда никуда не уеду. Броня машины была иссечена попаданиями пуль, а в корпусе оказались сбитыми головки нескольких заклепок. Стекло и зеркало одной из фар разбились вдребезги.

Не надеясь сдвинуть с места броневик, я забрался в него, сняв с крючка автомат и пару магазинов к нему, соскочил на землю и обследовал скалы. Выглянув из-за камней, я увидел, что патроны перестали рваться, но британский бронеавтомобиль еще горит внутри – оттуда вырывались языки пламени.

Никого не было видно. Экипаж уехал в спасшемся броневике. Я увидел, что мой снаряд попал в бензобак.

От корпуса исходил такой жар, что приблизиться к горящему английскому броневiku и заглянуть внутрь я не смог.

Через пять минут, немало повозившись с радиостанцией, я наконец добился связи и сообщил в штаб о том, в каком положении оказался. Я попросил прислать грузовик с буксиром или новую рулевую тягу. Узнав, где я нахожусь, меня заверили, что помощь придет очень быстро. Штаб обещал также прислать истребитель, чтобы помешать британцам послать новые броневики или самолет, чтобы добить меня, пока не явится обещанная помощь.

Через десять минут надо мной пролетел истребитель «Мессершмитт», осматривавший пустыню на многие мили вокруг. Потом прибыл бронеавтомобиль, и вскоре поломка была устранена.

Мы подошли к сгоревшей английской бронемашине. Огонь уже погас, и мы заглянули в открытый люк.

На стальном полу среди пепла и пустых гильз лежало искореженное, черное, обуглившееся тело. Картина была ужасной – впрочем, такова судьба экипажей бронированных машин.

Вытащить убитого не представлялось никакой возможности, хотя огонь уже погас. Корпус подбитого мною броневика был еще раскален докрасна, поэтому мы уехали, оставив тело погибшего англичанина в стальной коробке сгоревшей машины. Если честно, я не сильно расстроился – на его месте, обгорев до неузнаваемости, вполне мог быть и я.

Глава 3

ГИБЕЛЬ ДРУЗЕЙ

Через час после наступления темноты мы приехали в штаб танковой дивизии (5-я легкая дивизия, с августа 1941 года называлась 21-й танковой. – *Ред.*). Часовые быстро зажгли и тут же выключили красные лампы, и, обменявшись паролями, мы проехали сквозь внешнее кольцо оцепления. Через километр мы миновали еще один кордон и, повторив всю процедуру проверки, попали в святая святых – расположение командования дивизии.

Бронемашина, шедшая впереди, остановилась, и человек, сидевший в башне, повернулся ко мне.

– Ты знаешь, Тюнтер, где находится твоя группа посыльных? – спросил он.

– Нет, я здесь еще не был. Вы, ребята, с тех пор как я уехал, успели сменить место дислокации, – ответил я. – Забирайся-ка лучше на мою телегу и покажи дорогу.

Он выбрался из орудийной башни и запрыгнул на корпус моей машины.

– Поверни направо и езжай помедленней, а то помнешь палатки.

Вокруг виднелись только их тусклые очертания – свет зажигать разрешалось только внутри, и притом так, чтобы он ни при каких обстоятельствах не выбивался наружу. Я попетлял среди этого скопища армейских жилищ и вскоре остановился у входа в одно из них.

– Вот ваша палатка, – произнес мой проводник. – Похоже, что там кто-то есть. – Через дырочку в холсте пробивалась маленькая точка света. – Надеюсь, я больше не нужен?

– Нет, не нужен. Спасибо, что проводил, – ответил я, свесив ноги с орудийной башни. – Увидимся завтра. Спокойной ночи! – крикнул я и спрыгнул на землю.

Клапан, закрывавший вход в палатку, откинулся, и на мгновение стал виден свет фонаря – кто-то выглянул на улицу.

– Это ты, Гюнтер?

– Нет, это мой призрак, – ответил я, но тут две руки, высунувшиеся из темноты, схватили меня за плечи и затащили в палатку.

– Да, самый настоящий призрак, негодник ты этакий! Подцепил где-то свору английских броневиков, разогнал ее, а потом стал просить помощи. Ну и поволновался же я за тебя!

Я крутанулся на месте и сбросил руки со своих плеч.

– Это ты-то волновался? – рассмеялся я. – Расскажи это лучше Роммелю. Может, он повысит тебя в звании. – Я рад был вернуться домой. – Как у вас тут дела, Йозеф? – Я взглянул на него и увидел, как на его лице гаснет улыбка.

Это был грубоватый мужчина, много повоевавший, не раз получавший повышение и неоднократно подвергавшийся разжалованию. Рядовой Йозеф Хинц. Это был австриец, прослуживший в армии четыре года, да так и оставшийся рядовым. Чины не прилипали к нему – не успевал он получить звание унтер-офицера, как тут же попадал в какую-нибудь историю и снова становился рядовым.

Я удивленно посмотрел на него.

– Чего это ты скис? – спросил я, расстегивая ремень с пистолетом и бросая его в угол палатки. – У тебя такой вид, как будто кончились сигареты или женщины! – Но тут, заметив два новых плаката с девицами, приклеенные к стене палатки кашей, я засмеялся и показал на них: – Впрочем, я гляжу, дам у тебя хватает. Что это за девицы? Американские киношные дивы или арийские детородные машины? – Произнеся это, я уселся на ящик.

Глаза Йозефа смотрели на меня серьезно. Он сел на другой ящик, стоявший напротив.

– Нет, дело не в женщинах! – Он прожевал эти слова, доставая из кармана пачку сигарет. – Совсем не в них – у нас скоро совсем не останется посыльных! – И он мрачно посмотрел на меня.

Я удивился и почувствовал, как меня охватывает тревога.

– Почему? Ведь на фронте сейчас затишье. Сиди себе и наслаждайся отдыхом.

– Наслаждайся отдыхом, говоришь? Как же, нашему отделению больше делать нечего, как только отдыхать. И все наши посыльные насладились затишьем до такой степени, что я остался совсем один в этой холщовой палатке. Пока ты не вернулся, мне не с кем было даже словом перекинуться. Слава богу, британцам не удалось выпустить из тебя кишки!

Его лицо пылало.

– О чем это ты? – медленно произнес я, замерев на месте.

– Да о том, что от всего нашего отделения остались только два человека – я и ты, – тихо слетело с губ Йозефа.

До меня не сразу дошел смысл сказанного, но, быстро оглядев палатку, я увидел в ней только мои вещи и вещи Йозефа.

– Кто перевел их в другое место? – резким тоном спросил я. – Толсторожий лейтенант Кроне?

Ответа не последовало. Йозеф молча смотрел на меня.

Я вскочил и схватил его за воротник рубашки.

– Товари, кто и куда? – заорал я.

– Они все погибли!

– Погибли? – растерянно повторил я.

Он кивнул:

– Да, все шестеро, а седьмой, наверное, до сих пор плутает где-то в пустыне – вот уже пятый день, – а может, тоже умер.

Я смотрел на него, не веря своим ушам. Он чиркнул спичкой и закурил.

– Я разобью тебе башку, если ты вздумал со мной шутить, – пообещал я.

Йозеф спокойно взглянул на меня:

– Я не шучу. Говорю тебе, все погибли. – Он произнес эти слова безо всякого выражения. – Ганс, Клаус, Фриц, Пауль, Тео, Лео, а насчет Эгона – не знаю. Но я думаю, что он тоже умер. Прошло уже пять дней, как он уехал, и ни словечка, ни знака. Посылали на поиски самолет. Бир-Хакейм не так уж далеко отсюда, а Эгона нет, – закончил он свой рассказ.

– А что случилось с другими? – спросил я.

– Тео и Пауль налетели на противотанковую мину – теперь они вместе с машиной на небесах.

– Где это случилось? – спросил я.

– У форта Акрома.

А я только сегодня утром проезжал мимо Акромы!

– Лео и Фрица разорвало снарядом, выпущенным английским орудием из осажденного Тобрука. Мы нашли только две пуговицы. Ганс напоролся на пулю «макаронника», когда ходил в итальянский лагерь за водой. – Йозеф выдохнул облако сигаретного дыма.

Я с трудом верил своим ушам.

– Хочешь узнать, что случилось с Клаусом? – тихо спросил Йозеф.

Я кивнул.

– Его расстреляли сегодня утром. – При этих словах мне показалось, что я вижу перед собой расстрельную команду.

– Расстреляли?! – воскликнул я.

– Тише, ты, – зашипел Йозеф и зажал мне рукой рот.

Я ударил его по руке и схватил за плечо.

– Ты хочешь сказать, что его казнили?

Йозеф снова кивнул.

– Он застрелил унтер-офицера Хельмута. Они с ним сильно повздорили.

Я потерял дар речи.

– Но кто такой этот Хельмут? – спросил я.

– Да это тот бывший эсэсовец, которого прислали сюда месяц назад из Берлина, ты знаешь его, Гюнтер.

Я кивнул.

– Но как это случилось?

– В чем причина, я не знаю, но Клаус капитально поругался с ним на пляже. Кто-то даже сказал, что Клаус обозвал его «отставным начальником крематория», и сержант выхватил пистолет. Но Клаус оказался проворнее и всадил в него пять пуль.

Все это казалось дурным сном. Йозеф рассказывал ужасные вещи.

– Когда это произошло? – спросил я, опускаясь на ящик.

– Вчера утром. Часовые надели на него наручники. Днем состоялось заседание трибунала, а сегодня на рассвете Клауса казнили, – закончил он.

– Ты видел его перед смертью? – хрипло спросил я.

– Нет – он не захотел никого видеть. Я просил, чтобы мне разрешили с ним поговорить. Но ты знаешь, я даже рад, что он отказался. Я бы не сдержался и перестрелял часовых, чтобы дать ему убежать. Нет, я рад, что он не захотел никого видеть, – задумчиво произнес Йозеф и встал.

Он не хотел, чтобы я видел его лицо, а я не хотел, чтобы он видел мое.

– А как другие к этому отнеслись, Йозеф?

– Стиснув зубы. Хорошо, что бывший эсэсовец умер от пуль Клауса, а то кто-нибудь из ребят истратил бы на него весь свой боезапас, – ответил мой друг и вытащил спиртовку. – Давай-ка я приготовлю тебе тарелочку тушенки, – произнес он и достал из мешка консервный нож.

– Спасибо, Йозеф, я не хочу есть, – пробормотал я.

– Послушай, не надо падать духом. Мне самому было очень плохо, но надо взять себя в руки. Клауса не вернешь, и надо забыть об этом.

Я слушал и кивал:

– Да-да, конечно.

Мне была понятна смерть двух парней, в которых попал британский снаряд из Тобрука, и тех, кто напоролся на мину. Плохо, что Эгон заблудился в пустыне, но это могло произойти с каждым... Но Клаус! Я замолчал и задумался.

Глава 4

МОРЕ НАСТОЯЩЕГО КОФЕ

– Хочешь кофе? – спросил Йозеф.

– Кофе? У тебя что, есть *настоящий* кофе?

– Конечно, и очень много. Хватит до конца войны. – Он улыбнулся и поднял ногой раскладушку. Под ней лежали два больших мешка. – Кофе!

– Сколько же лир ты за него заплатил, черт тебя побери? – спросил я, с трудом веря своим глазам.

– Каких еще лир? – взорвался Йозеф. – Ты что, спятил? Всего лишь дюжину пулеметных лент да два ящика ручных гранат. Мы забрали этот кофе у подонков, пристреливших Танса, когда он хотел взять у них канистру с водой. Одну-единственную канистру из целого штабеля высотой в шесть метров и длиной с берлинский многоквартирный дом. И эти гнусные итальянские недоумки, которые и войны-то как следует не нюхали, влили в Танса пулю за одну-единственную канистру с водой! – Йозеф продолжал рассказывать, помогая себе жестами. – Мы отправились туда в трофейном британском бронебике в ту же самую ночь, когда погиб Тане. И знаешь, что произошло? – спросил он, ставя на маленькую плитку чайник с водой и глядя на меня.

– Нет, не знаю, – ответил я, стягивая с ног сапоги. Но я понял, о чем пойдет речь, так как хорошо знал Йозефа.

– На полном ходу, с развевающимся британским флагом мы ворвались в лагерь этих «макаронников» и разнесли его к чертовой матери. Смяли колесами палатки и все их барахло, поливая из пулемета и угощая гранатами. – Тут он дико заржал. – Первым делом мы разнесли хибару с радиопередатчиком, чтобы они не смогли вызвать подмогу. Ты представляешь, они записали крик «Спасите!» на магнитофон! Наверное, боялись, что от страха забудут, какое слово надо кричать.

Я поразился этому безумию.

Йозеф махнул рукой и стал рассказывать дальше:

– Отовсюду доносились вопли «Inglesi, Inglesi, mercy!» (Пощадите, англичане!) или что-то в этом роде. Мы носились по лагерю, словно молнии. Въехали на машине на кухню, Тейнц спрыгнул и начал хватать банки с консервами. Их там у итальяшек целые штабеля, да еще куча мешков с кофе. Потом мы набросили английский флаг на двухсотлитровую бочку, а уезжая, прикрепили повсюду противотанковые гранаты и продырявили множество канистр с водой. Устроили им там настоящее наводнение.

Мы так хохотали, что не заметили, как кипящая вода стала выплескиваться из чайника. Йозеф кинул туда кофе, и по палатке разлился божественный аромат.

– А что было дальше? – спросил я.

– Мы вернулись в лагерь, поставили бронебик, где он стоял, распределили между собой продукты, собрали с пола машины пустые гильзы, чтобы никто не догадался, что из пулеметов кто-то стрелял, и пошли пить кофе. – Йозеф хмыкнул. – Здорово мы растрясли этих ублюдков. Это им за смерть Танса. Теперь, я думаю, они зарекутся убивать немцев, – заявил он и принес кофейник, чтобы налить мне кофе.

Напиток был замечательным, но слишком горячим.

– А наше начальство что, так ни о чем и не догадалось?

– Конечно же нет! – воскликнул Йозеф. – Если бы догадалось, мы все пошли бы под трибунал. Начальство решило, что в итальянский лагерь ворвались солдаты австралийской дивизии. Особенно после того, как увидели оставленный нами британский флаг.

Йозеф снова затрясся от смеха.

– Видел бы ты, что случилось на следующее утро! – еле выговорил он. – Матерь Божья, сюда заявилась целая процессия.

– Какая еще процессия? – перебил я.

– «Макаронников», – пояснил Йозеф. – Там была пара полковников, четыре майора, куча капитанов, не говоря уж об остальной шушере, которая тащилась за ними. Они явились к нашему генералу, старику фон Равенштайну, и стали жаловаться, что наши войска пропустили через свои позиции броневики австралийской дивизии из Тобрука, которые разгромили итальянский лагерь. И знаешь, что этот старый хрен им ответил?

Я покачал головой.

– Он сказал, что если бы они поменьше брэнчали на своих мандолинах и почаще брали в руки оружие, то им удалось бы отбросить этих чертовых австралийцев от своего лагеря. Ведь ни один итальянский полковник не догадался броситься в погоню за британскими бронемашинами и разбить их к черту! И это при том, что всем известно: здесь, в двадцати километрах от линии фронта, не может быть никаких вражеских разведывательных дозоров. Какой позор! После этого старик велел часовым очистить лагерь. Видел бы ты, как эти итальяшки попрыгали в свои автомобили и удрали. Они даже забыли, что явились просить нас помочь им восстановить лагерь!

Я хохотал и никак не мог успокоиться.

– Это те самые итальянцы, у которых мы с Лео как-то брали воду? – спросил я, наконец.

– Они самые. Тыловые части танковой дивизии «Ариете», – кивнул Йозеф. – Жаль, что тебя с нами не было, ты бы хоть перевел нам, что они там вопят. Впрочем, мы постарались разделаться с ними поскорее, поскольку в двух километрах от их лагеря стоят и наши танки, и, если бы они заметили английскую жестянку, на которой мы приехали, нам бы пришлось туго.

– Я думаю, наши танкисты вам с радостью помогли бы, если их предупредить заранее, – заметил я и, встав с ящика, расстелил на полу одеяло. – Давай-ка ложиться спать, Йозеф. Я сегодня все утро носился по пескам и очень устал.

И я улегся на одеяло.

– Да что ты, рано еще – только десять часов, – возразил Йозеф. – Да, я совсем забыл – тебе тут пришло два письма. Лежат уже несколько дней.

Я сел, а он вытащил письма из своих вещей.

– Одно из дома, а другое, судя по запаху, должно быть, от твоей девушки из Берлина. – Он улыбнулся и протянул мне письма.

– Ты что, всегда обнюхиваешь корреспонденцию? – спросил я, читая адреса на конвертах.

– Попав в эти пески, я стал извращенцем. Меня теперь возбуждает даже запах! И все из-за того, что тут нет женщин. Эх, если бы на границе открыли хотя бы один бордель! Тогда австралийцы побросали бы свои позиции в Тобруке (здесь в то время оборонялись в составе британских войск, помимо австралийцев, англичане, индийцы, поляки и чехи. – *Ред.*) и ринулись туда, – пробормотал он про себя, пока я вскрывал письмо от матери.

Но когда я прочитал письмо, оно выпало из моих рук и спланировало на одеяло. В горле у меня вдруг пересохло, и оттуда вырвался стон. Я смотрел на письмо так, словно оно полыхало огнем, от которого загорелся мой мозг.

– Что случилось?

Голос Йозефа прозвучал словно издалека, его самого я не видел. Он схватил меня за плечо:

– Эй, что с тобой – тебе плохо?

Я оттолкнул его руку и встал. Посмотрев на одеяло, я увидел распечатанное письмо – значит, оно мне не приснилось. У меня перед глазами все поплыло – Йозеф, вещи, стоявшие в палатке. Все превратилось в одну неразличимую массу – за исключением письма. Белая бумага

резко выделялась на мутном фоне. Письмо было единственным предметом, который я видел совершенно отчетливо, и, когда я вышел из палатки в ночную тьму, оно все еще стояло у меня перед глазами.

Глава 5

ВЕСТИ ИЗ ДОМА

Луна сияла на черном африканском небе, словно лампа, и от нее по морской воде тянулась яркая серебристая дорожка. Маленькие волны ударялись о берег, протягиваясь вдоль него, словно бесконечные ленты. Само море было черным и неподвижным. Ни звука, ни шепота. Глядя на все это, но ничего не видя, я молча сидел на верхушке дюны, а в моем мозгу возникали картины прошлого.

Красивый дом, прекрасный сад, где в изобилии цвели розы и другие цветы, тихая улочка перед ним – мой дом! Мужчина лет за сорок, еще не старый, но уже начавший седеть. Редко улыбавшееся лицо, несколько тяжеловатое, словно высеченное из камня и прорезанное ранними морщинами; это были следы неизгладимых впечатлений, которые наложила на него жизнь. Его фигура – сильная, негнушавшаяся, очень прямая, словно он аршин проглотил, говорила о том, что это бывший офицер, гауптман кайзеровской армии. Выправка и стать этого мужчины напоминали о прошедших годах. Годах германских гордости, силы и страданий.

Когда мужчина двигался, его походка напоминала о том, что нельзя было забыть, – о Первой мировой войне – о лишениях, атаках, окопах, снарядах и пулях.

Однажды, еще мальчиком, я нашел в комодке маленькую коробочку, привязанную к пистолету «Люгер» («Парабеллум». – *Ред.*). Я открыл коробочку и принес ее в комнату, где сидел мужчина. Положив ее перед ним, я спросил:

– Скажи мне, что это такое?

Он пристально посмотрел мне в лицо и велел сесть рядом. Потом медленно, но очень эмоционально рассказал о том, что ему довелось пережить во время Первой мировой войны.

Крест из черного железа, очень простой.

– Это Железный крест 2-го класса. – Рука мужчины положила его на стол, и я выслушал рассказ. Еще один крест с серебряным ободком. – Это – Железный крест 1-го класса. – И я выслушал еще один рассказ. Теперь в руках отца был голубоватый крест с золотыми краями и выбитой в центре короной кайзера. – Орден «За заслуги», – пояснил отец. Это была самая высокая награда в кайзеровской армии. В коробке лежали другие медали и кресты. Наконец, он достал серебряную медаль. – Это – медаль, которой награждали солдат и офицеров, получивших ранение.

Я посмотрел на отца, и на его лице промелькнула улыбка.

– Да, сын, я получил эту медаль и за покалеченную ногу тоже, – сказал он и, протянув мне коробку с привязанным пистолетом, велел положить туда, где я ее взял. Вот каким был мой отец!

Я вспоминал об этом случае, глядя на море, такое тихое и спокойное. Вдруг мое уединение нарушил шум шагов. Я взглянул вверх и увидел, что рядом со мной стоит Йозеф.

– Его отправили в концлагерь – и там повесили!

Он прошептал эти слова, и я понял, что Йозеф прочитал письмо моей матери, которое осталось в палатке. Некоторое время он молча сидел рядом.

– Что будешь теперь делать, Гюнтер? – спросил он.

Я ничего не ответил. И тут меня словно осенило.

– Уйду! – сказал я. – Дезертирую из армии – сегодня же!

Йозеф посмотрел на меня и, немного помолчав, сказал:

– Я тебя понимаю. Я бы тоже ушел. Ну что ж, пойдем вместе!

Мы встали и двинулись в темноте к своей палатке. В лагере было необычно тихо.

Петляя среди палаток, машин и щелей, в которых солдаты прятались от бомбежки, мы никого не встретили. Я спросил Йозефа, куда все подевались.

– Да там, в большой ротной палатке, устроили что-то вроде общей вечеринки, – пояснил он, показывая на отдаленную рожицу финиковых пальм.

– А что, сегодня какой-то праздник? – спросил я.

– Ага, в первый раз за все это время нам завезли пиво. Думаю, выйдет по котелку на брата или около того. Они там, наверное, все ноги оттоптали, стоя в очереди. А мне на это наплевать, – пробормотал он.

В эту минуту вдалеке заиграл духовой оркестр и хриплые голоса затянули:

– Мы бомбим Англию!

– Хотел бы я знать, что они будут делать, когда у них закончатся бомбы, – ехидно произнес Йозеф и откинул клапан нашей палатки, чтобы мы могли войти.

– Не знаю, но представляю, что здесь начнется, когда обнаружат, что я исчез!

Йозеф улыбнулся.

– И я тоже, – бросил он.

– Что? – воскликнул я. – А ты-то куда собрался, дурень?

– Да уж не дурнее тебя. Почему я не могу уйти с тобой? Ты что, думаешь, мне приятно куковать здесь одному, в этой полотняной палатке? – отрезал он и вытащил из-за раскладушки свой вещевой мешок.

Он высыпал его содержимое на землю.

– Посмотрим, что нам может понадобиться. Надо взять только самое необходимое.

Но я подошел к нему и задвинул ногой его вещи в угол.

– Что ты себе позволяешь? – зашипел он, рассердившись.

– Мне не нужно, чтобы ты рисковал из-за меня жизнью, – сказал я.

– Ах вот оно что! Значит, если у тебя есть Железный крест 1-го класса и другие награды, так ты думаешь, что один можешь рисковать своей жизнью? – В его глазах пылала злость.

– Нет, не думаю. Но у тебя, насколько я знаю, есть жена, так что охолопись. Ведь даже если тебе и удастся отсюда сбежать, они схватят ее и хорошенько оттрахают.

– Ну и пусть! – фыркнул он. – Ей это не впервой. Ее трахают все, кому не лень! С тех пор как я отправился на фронт, она не пропускала ни одного хмыря в форме, приезжавшего в отпуск! – заорал он.

Взрыв эмоций Йозефа потряс меня до глубины души.

– Послушай, Йозеф! Но откуда, черт возьми, ты все это знаешь, ведь тебя не было дома целую вечность? – спросил я.

– Ты думаешь, я совсем тупой? – выпалил он и бросил какие-то вещи в свой мешок. – Когда я в прошлом году приехал из Франции в отпуск, она встретила меня с сосунком на руках. А я и не знал, что она родила ребенка. Она сказала, что решила приготовить мне сюрприз. – Он как будто выплевывал слова изо рта. – Да, это был сюрприз что надо. Хорош подарочек! А я ведь в нужное время был в Польше, воюя с чертовыми поляками, и никак не мог наградить ее этим арийским сопляком голубых кровей. – Он повернул ко мне свое лицо: – Послушай, Гюнтер, ты не женат. Наверное, женщин у тебя было предостаточно, так что тебе трудно понять, как меня угораздило связаться с такой потаскухой. Но так уж мне повезло!

Я понял, что он всерьез собирается бежать со мной и что переубедить его не удастся.

– Но ты понимаешь, что если нас поймают, то расстреляют без суда и следствия? – осторожно спросил я.

– Да что ты говоришь! А я этого не знал! – засмеялся он. – Зато, когда придет день, когда они захотят продырявить твою шкуру, я буду рядом. Парни, которые занимаются этим гнусным делом, потеряют сон. Когда они увидят, какого лопоухого придурка им надо будет пристрелить,

они просто умрут от смеха. Не думаю, что им приходилось расстреливать кого-нибудь смешнее меня. Впрочем, четыре года, проведенные в армии, кого хочешь сделают придурком.

Я не мог сдержать улыбки. Йозеф, оказывается, был ужасным фаталистом.

– Ну хорошо, – сказал я. – Садись и давай все хорошенько обдумаем, да побыстрее. Скоро полночь, а нам надо уйти до двух часов, иначе все пропало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.